

76

95
726

Ю. В. Готье.

*Мануфактура
Леопольд Леонардович
Барсков*

от альбома

*801-16
65*

ИЗБРАНІЕ НА ЦАРСТВО
Михаила Θεодоровича
РОМАНОВА.

М

ИЗДАНИЕ

Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.

1913.

Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ засѣданіи Совѣта Императорскаго Московскаго Университета и Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 24 февраля 1913 г.

83988-46

Типографія Г. Лиснера и Д. Собко,
Москва, Воздвиженка, Крестовоздвижн. пер., д. 9.

2014143327

Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова.

Раны, нанесенныя Московскому государству въ великую разруху, еще далеко не зажили въ первые мѣсяцы 1613 года, а борьба съ врагомъ, не оставлявшимъ попытокъ подчинить себѣ всю русскую землю, и съ бѣдствіями, происходившими отъ пустоты царской казны и разоренія страны, оставалась главнымъ предметомъ заботъ Московскаго правительства во всѣ первыя десять лѣтъ царствованія Михаила Ѳеодоровича. Тѣмъ не менѣе, именно съ его избраніемъ 21 февраля 1613 года справедливо связывается представленіе объ окончаніи смутнаго времени. Страна продолжала болѣть, но въ болѣзни совершился тотъ переломъ, который вмѣсто безнадежнаго будущаго открываетъ возможность грядущаго исцѣленія. Пораженный организмъ получилъ, наконецъ, то лѣкарство, которое, въ его собственномъ сознаніи, должно было избавить его отъ мучившихъ его недуговъ. Этимъ лѣкарствомъ былъ національный глава государства, «прирожденный» царь, избранный земскимъ соборомъ, свободнымъ отъ страха предъ самозванцемъ и предъ иноземнымъ вмѣшательствомъ.

Стремленіе имѣть своего національнаго царя, широко охватившее всѣ слои русскаго общества и проникшее въ сознаніе почти всѣхъ, кто принималъ хоть какое-нибудь участіе въ событіяхъ междоусобицы, появилось не сразу; оно не родилось внезапно въ головѣ вождей освободительнаго земскаго движенія 11-го и 12-го годовъ, но было выстрадаемо земскою мыслью и стало завершеніемъ долгой и сложной эволюціи, черезъ которую прошла идея царской власти съ того времени, какъ угасла старая династія Рюриковичей.

Выработанная въ XV и XVI вѣкахъ идеологія единой твердой царской власти, ведущей свое происхожденіе отъ временъ болѣе древнихъ чѣмъ сама русская земля, уступала, начиная съ 1598 года, мѣсто новымъ представленіямъ о царской власти, зависимой отъ земли, существующей, пока земля она будетъ угодна. Подобно тому, какъ само русское общество послѣдовательно вступало въ смуту, начиная отъ верхнихъ его слоевъ и кончая нижними, такъ и новая идея о царской власти, исходя сначала отъ боярства постепенно охватила низы

общества. Сохранилось темное, может-быть, даже навѣянное повдѣйшими событиями извѣстіе, что бояре еще въ 1598 году требовали отъ Бориса, «чтобъ онъ государству по предписанной грамотѣ крестъ пѣловаль»¹⁾. Подкрестная запись царя Василія, которую мы, конечно, не можемъ считать за конституціонную хартію, тѣмъ не менѣе показываетъ, что боярство было на порогѣ осуществленія своей мечты о договорныхъ отношеніяхъ съ царемъ. Обстановка знаменитаго сведенія царя Василія Шуйскаго съ Московскаго престола свидѣтельствуетъ уже о полномъ развалѣ царской власти и царскаго престижа. Новыя идеи, впрочемъ, нашли себѣ яркое выраженіе еще въ первые дни незадачливаго царствованія Василія Ивановича: «хотя бѣ былъ и прямой прирожденный государь царевичъ Дмитрій, но если бы его на государствѣ не похотѣли, то ему силою нельзя быти на государствѣ», говорили въ Литвѣ послы Шуйскаго, князь Волконскій и дьякъ Ивановъ²⁾: «даже у князя Курбскаго, вѣроятно, встали бы волосы дыбомъ отъ такой политической ереси», замѣтилъ по этому поводу В. О. Ключевскій³⁾.

Проникая въ низшіе слои общества, представленія о царской власти навѣянныя смутой и безпрестанными смѣнами и сверженіями государей, вырождались въ протестъ противъ всякой власти и въ анархическое ея отрицаніе. Въ особенности это замѣтно въ мѣстностяхъ, ранѣе другихъ затронутыхъ движеніемъ самозванцевъ или войной съ Польшей. Еще въ 1605 году смоленскіе посадскіе люди «ужаснулись и межъ себя, ходя, невѣдомо что шептали», ожидая наступленія новой эры, «какъ придетъ новый царь»⁴⁾. И позднѣе, уже во время осады, на Смоленскомъ посадѣ раздавались непригожія рѣчи, направленныя противъ воеводу царя Василія, не какъ защитниковъ города, а какъ представителей царской власти, «только деи бояринъ Шеннъ не станеть держаться одного слова и онъ де отъ нихъ будетъ безъ головы». «Воцарился де Михаила Борисовичъ нынѣ въ Смоленскѣ, такъ же, что Болотниковъ въ Тулѣ, а того не вѣдаеть, что надъ нимъ въ Смоленскѣ будетъ; коли де не боярское время будетъ, а наше время, и намъ бояринъ ничего не сдѣлаеть»⁵⁾.

Самозванцы, — эта оригинальная черта нашей смуты, не мало способствовали разложенію возрѣвѣвшей на царскую власть. Я исключая, впрочемъ, перваго Лжедмитрія, яркую личность, которая особнякомъ стоитъ среди всѣхъ другихъ ложныхъ царей и царевичей смуты; по наслѣдникъ его, тушинскій воръ, можетъ считаться показателемъ того, какъ низко могли уронить самозванцы престижъ царскаго имени. Лжедмитріемъ II помыкали и русскіе перелеты, и литовско-польскіе авантюристы; всѣ знали, что онъ не имѣетъ ничего общаго ни съ истиннымъ

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, кн. II, т. VIII, 688.

²⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, II, VIII, 835.

³⁾ Ключевскій, Боярская дума, изд. 1-е, 374.

⁴⁾ Акты Ист. II, № 53; Готье, Памятники обороны Смоленска (Смутное время Моск. Госуд. Мат., изд. Общ. Ист. и Древн. Росс., вып. 6), № 280.

⁵⁾ Памятники обороны Смоленска, №№ 113, 193.

царевичемъ Дмитріемъ, ни съ тѣмъ, кто былъ дѣйствительнымъ русскимъ царемъ въ 1605 и 1606 гг.; всѣ презирали его, но несмотря на это, нуждаясь въ немъ какъ въ орудіи политической борьбы, продолжали фиктивно считать его государемъ, и эта смѣсь наружнаго лицемѣрнаго почтенія съ еле скрываемымъ пренебреженіемъ разрушающе дѣйствовала на послѣдніе остатки уваженія къ царской власти, еще сохранявшіеся въ тѣхъ русскихъ людяхъ, которые волей и неволей примыкали къ Тушину.

Крушеніе старыхъ понятій о Московскомъ царѣ, съ одной стороны, а съ другой, может-быть, желаніе передать кормило государственнаго корабля въ руки лица, чуждаго русскому обществу, лица, которое, довольствуясь отводимой ему опредѣленной и скромной ролью, вмѣстѣ съ тѣмъ могло бы стать третейскимъ судьей между различными группами взбаламученнаго русскаго общества, привели къ мысли объ избраніи на русскій престолъ царя-иностранца и выдвинули кандидатуру Владислава.

Впервые мысль о Владиславѣ была высказана, по свидѣтельству Жолкѣвскаго, еще въ то время, когда на Московскомъ престолѣ сидѣлъ названный царь Дмитрій. Правя свое тайное посольство отъ имени князей Шуйскихъ и Голицыныхъ и жалуясь Сигизмунду на несоотвѣстствіе поставленнаго изъ Польши царя боярскимъ требованіямъ, посоль Бездобразовъ говорилъ, что бояре думаютъ, какъ бы имъ свергнуть Лжедмитрія, «желая лучше вести дѣло такъ, чтобы въ Московскомъ государствѣ царствовалъ король-иностранецъ Владиславъ». Не умирала эта мысль въ умахъ московскихъ бояръ и при Шуйскомъ¹⁾.

Мысль о династическомъ соединеніи сосѣднихъ государствъ-соперниковъ не была новой; еще ранѣе, въ XVI вѣкѣ, періодически возникали проекты объединенія престоловъ Москвы и Рѣчи Посполитой подъ властью одного лица; польскіе государственные люди въ эпоху Баторія со своей стороны носились съ мечтою о подчиненіи всѣхъ русскихъ земель польской коронѣ²⁾. Въ 1606 году, послѣ того какъ московскіе бояре въ трогательномъ единеніи съ нѣкоторыми польскими дѣятелями уже успѣли и поставить царемъ и затѣмъ свергнуть Лжедмитрія, старая мысль опять всплыла наверхъ, а четыре года спустя привела даже къ формальному избранію Владислава московскимъ царемъ, поддержанному тушинцами изъ желанія отвязаться отъ надѣвшаго вора, а московскими боярами, освободившимися отъ Шуйскаго, — изъ опасенія предъ тѣмъ же Калужскимъ царикомъ. Боясь, чтобы не восторжествовали темные элементы, оставшіеся вѣрными вору, держались нареченнаго царя Владислава и другіе слои русскаго общества, до тѣхъ поръ, пока убійство втораго Лжедмитрія не освободило Русь отъ этой уродливой

¹⁾ Жолкѣвскій, Записки о Московской войнѣ, изд. Мухановымъ, изд. 2-е, стран. 10, 15.

²⁾ Waliszewski, Ivanle Terrible, 401—468; его же Crise révolutionnaire, 320—326.

карикуры на царскую власть и пока Сигизмундъ своимъ тупымъ упрямствомъ и неудачнымъ выборомъ сотрудниковъ не подорвалъ окончательно шансы своего сына.

Кандидатура Владислава — наиболее отчетливое выражение мысли о царь-иностранцѣ, но мысль эта проявлялась также иначе: соперничая съ поляками, Швеція позднѣе, занявши Новгородъ, выдвинула кандидатуру герцога Седерманландскаго Карла-Филиппа; въ 1612 году, когда ополчение Пожарскаго стояло въ Ярославлѣ, промелькнула мысль объ избраніи на русскій престолъ эрцгерцога Максимилиана Австрійскаго.

Смутное время породило самозванцевъ и заставило Русь искать царя на чужбинѣ, но нужно признать, что тѣ самые люди, которые проводили на престолъ такихъ новоявленныхъ царей, дѣлали все, что могли, чтобы погубить дѣло, которому они, казалось, служили. Шайки тушинцевъ, являясь подъ Москву изъ находившейся въ полной анархіи украины и разбредаясь по нетронутому до 1607/8 гг. Замосковью и сѣверу, не внушали любви и уваженія къ тушинскому вору, а зарубежные авантюристы въ родѣ Мнишка, съ огромной свитой прѣбывающаго выдавать дочь замужъ за самозванца, въ родѣ невольнаго эмигранта Лисовскаго или искавшаго рыцарскихъ подвиговъ Усвятскаго старосты Яна Сапѣги, заранѣе подрывали авторитетъ всякаго польскаго кандидата на Московскій престолъ. Но болѣе всего постарались во вредъ царю-полюку русскіе ренегаты, присланные Сигизмундомъ въ Москву добывать престолъ ему самому вмѣсто сына, и польскіе военачальники, распорядившіеся въ Москвѣ въ 1610—1612 годахъ.

Трудно себѣ представить правительство худшее, чѣмъ то, которое образовалось въ Москвѣ осенью 1610 года. Это была шайка искателей приключеній и грабителей, съ которыми заодно слѣпо и недальновидно дѣйствовалъ командующій польскимъ гарнизономъ, фактической диктаторъ Москвы, староста Велижскій Александръ Корвинъ-Гонсѣвскій. «Какъ гетманъ пошелъ подъ Смоленскъ, то послѣ него Гонсѣвскій сталъ жить на царевѣ Борисовѣ дворѣ, а Михайло Салтыковъ, мимо своего двориска, на дворѣ Ивана Васильевича Годунова, а Оедька Андроновъ на дворѣ Благовѣщенскаго протопопа, на которомъ никогда никто не ставалъ и не живалъ. По воротамъ по всѣмъ поставили сторожей своихъ, рѣшетки у улицъ посломали, и московскимъ людямъ никакимъ съ саблею не только при бедрѣ, и плотникамъ съ топорами ходить и пожей при бедрѣ никому носить не велѣли, дровъ мелкихъ на продажу и крестьянамъ привозить не давали и по вечерамъ побивали всякихъ людей, кто идетъ улицею изъ двора во дворъ, къ заутрени не только мірскимъ людямъ и священникамъ ходить не давали»¹⁾. Такъ описывалъ позднѣе московскіе порядки 1610—12 гг. одинъ изъ членовъ семибоярщины князь И. М. Воротынскій, и, вникая въ его слова, мы ясно видимъ, что польскій гарнизонъ и безсовѣстные русскіе люди

¹⁾ Соловьевъ, II, т. VIII, 1076.

съ бояриномъ М. Г. Салтыковымъ и посадскимъ человѣкомъ Оедоромъ Андроновымъ во главѣ смотрѣли на Москву какъ на взятый приступомъ непріятельскій городъ. Салтыковъ, поднявшій ножъ на патриарха Гермогена, который съ момента сверженія Шуйскаго и до своей трагической кончины становится въ глазахъ московскихъ жителей «великимъ столпомъ и твердымъ адамантомъ, крѣпкимъ воинномъ христовымъ», и Андроновъ, «не человѣкъ и невѣдомо кто», по словамъ анонимнаго патриотическаго памфлета 1611 года, извѣстнаго подъ именемъ «Новой повѣсти о преславномъ Россійскомъ царствѣ», возбуждали, повидимому, наибольшую ненависть¹⁾, которую они раздѣляли съ Гонсѣвскимъ; а что послѣдній давалъ чувствовать свою власть и пользовался ею не для дѣйствительнаго укрѣпленія своего государя на Московскомъ престолѣ, а только для утоленія аппетитавъ тѣхъ, кто заявлялъ себя сторонникомъ Сигизмунда, въ этомъ убѣждаютъ его помѣты на челобитныхъ этихъ сторонниковъ, изложенныя въ видѣ совѣтовъ боярамъ и въ формѣ письменнаго обращенія къ члену той же шайки Сигизмундовыхъ доброхотовъ, думному дьяку Ивану Грамотину. «Пане Иванъ Тарасевичъ, доложа боярь и извѣстивъ мой совѣтъ, пригоже по ихъ приговору дать грамоту жалованную»²⁾, и по этому совѣту, котораго никто не смѣлъ послушаться, раздавалось темнымъ людямъ государственное достоинство.

Помянутая сейчасъ Новая повѣсть — самое яркое и сильное въ своей искренности выражение патриотическаго гнѣва и ненависти къ безпринципнымъ русскимъ авантюристамъ и къ «окаянному королю», «общему врагу и супостату» всѣхъ русскихъ людей. Но ея авторъ все еще надѣется на то, что избранный царь Владиславъ прѣдетъ въ Москву и сдѣлается настоящимъ русскимъ царемъ; вотъ почему повѣсть не отвергаетъ польскаго королевича, хотя она вся проникнута національнымъ русскимъ чувствомъ, вся полна безграничнаго удивленія предъ дѣятельностью духовнаго борца за русское дѣло, патриарха Гермогена, и предъ защитниками осажденнаго королемъ русскаго города, — смоленскими сидѣльцами. Читая повѣсть, чувствуешь, что свое родное, русское, въ противоположность иноземному, было идеаломъ, къ которому были направлены скорбныя думы русскихъ патриотовъ въ разгаръ междоусобицы. Естественно, что въ это именно время народная дума создаетъ себѣ идеальный образъ національнаго царя, который долженъ объединить около себя весь русскій народъ и вновь вывести родную страну на широкой и спокойный путь.

Мысль о національномъ «излюбленномъ» всею землею царѣ мелькнула впервые немножко раньше, когда устойчивая и домовитая сѣверно-русская земщина впервые шла освобождать Москву подъ начальствомъ Скопина-Шуйскаго, но герой похода 1609/10 годовъ, первый прообразъ бу-

¹⁾ Новая повѣсть: Р. И. Биб. XIII, 187—218.

²⁾ Сухотинъ, Земельныя пожалованія при царѣ Владиславѣ (См. Вр. М. Гос. Матеріалы, изд. Имп. Общ. Ист. и Древн., вып. 5).

лучаго національнаго государя, быстро сошелъ съ исторической сцены. Второе ополчение Ляпунова и третье Пожарскаго и Минина не имѣли готовыхъ кандидатовъ на престолъ, которыхъ можно бы сравнить со Скопинымъ-Шуйскимъ, но общее народное сознание и патриотическая работа патриарха Гермогена и Троицко-Сергіева монастыря сдѣлали свое дѣло. Въ перепискѣ земскихъ міровъ постоянно встрѣчаются напоминанія, что по освобожденіи столицы предстоитъ великое дѣло: «на Московское государство выбрать государя всею землею Россійской державы»; говорится уже и о томъ, что «хотятъ выбрать на Московское государство царя изъ своихъ прирощенныхъ бояръ, а иныхъ земель иновѣрцевъ никого не хотятъ¹⁾». Съ приходомъ нижегородскаго ополченія подъ Москву, мысль объ освобожденіи отъ поляковъ столицы съ ея святынями становится тѣсно и неразрывно связанной съ мыслью о прирощенномъ русскомъ царѣ, который долженъ быть избранъ въ очищенной отъ враговъ Москвѣ. Здѣсь въ Москвѣ, вслѣдъ за выполненіемъ первой задачи, уже предъ самымъ созывомъ земскаго собора окончательно была отвергнута идея всякой иностранной кандидатуры въ цари. Это произошло послѣ долгихъ переговоровъ съ послами изъ Новгорода, занятаго шведами. Сначала, опасаясь приближенія къ Москвѣ Сигизмунда, дошедшаго до Волоколамска, не хотѣли отвергать меньшаго изъ двухъ золь: новгородскимъ посламъ отвѣтили, что одной Москвѣ такого великаго государственнаго и земскаго дѣла, какимъ было избраніе Шведскаго принца «не обслався и не учиня совѣту и договору съ Казанскимъ и съ Астраханскимъ и съ Сибирскимъ и съ Нижегородскими государствами учинити нельзя²⁾»; но когда Сигизмундъ, не дойдя до Москвы, началъ отступать, послѣдоваль рѣшительный отвѣтъ и по адресу шведовъ: «того у насъ и на умѣ нѣтъ, чтобъ взять иноземца на Московское государство, а что мы съ вами ссылались изъ Ярославля, и мы ссылались для того, чтобы намъ въ тѣ поры не помѣшали, а нынѣ Богъ Московское государство очистилъ и мы ради съ вами за помощію Божіею биться и итти на очищеніе Новгородскаго государства³⁾». Опубликованныя въ послѣднее время извѣстія, сообщающія, что кандидатура Шведскаго принца даже на самомъ земскомъ соборѣ продолжала имѣть сторонниковъ среди бояръ и провинціального дворянства⁴⁾, не колеблютъ, думается мнѣ, высказаннаго предложенія объ общенародномъ желаніи видѣть на престолѣ русскаго человѣка. Эти извѣстія смотрятъ на шведскую канди-

¹⁾ Примѣры: А. А. Э., II, № 197, 201, А. И., II, № 333.

²⁾ Соловьевъ, II, т. VIII, 973.

³⁾ Новый лѣтописецъ: Никонов. лѣтоп., изд. 1791 г., VIII, 201, Полное Собрание Русск. Лѣт., т. 14, 1-я пол., 129.

⁴⁾ Арсеневскія шведскія бумаги (въ Сборникѣ Новгородскаго Общества любителей древности, вып. V), №№ II—X; мысль объ устойчивости шведской кандидатуры и о значительномъ числѣ сторонниковъ Карла-Филиппа на соборѣ 1613 года очень интересно разработана въ статьѣ шведскаго ученаго Альмквиста: Die Sarenwahl des Jahres 1613. Die Schwedische Thronkandidatur und ihre Vorgeschichte (Zeitschrift für Osteuropäische Geschichte, Band., III. Heft 2).

датуру сквозъ шведскія очки или же представляютъ собою сообщенія русскихъ людей шведскимъ военнымъ властямъ, распоряжавшимся въ великомъ Новгородѣ; между тѣмъ, мысль о необходимости выбрать царя изъ русскихъ уже была твердо высказана земщиной гораздо ранѣе освобожденія столицы. Это не мѣшало, конечно, нѣкоторымъ дѣятелямъ собора, въ томъ числѣ, можетъ-быть, и самому Пожарскому, до послѣдней минуты сочувственно смотрѣть на возможность воцаренія Карла-Филиппа. Какъ бы то нибыло, когда земскій соборъ приступилъ къ своимъ задачамъ, рѣшеніе избрать царемъ только природнаго русскаго человѣка, должно было быть твердымъ и всеобщимъ: объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ грамота Пожарскаго и Трубецкаго, посланная въ январѣ 1613 года польскому военачальнику въ Вязьмѣ Павлу Рудкому¹⁾. Первымъ постановленіемъ собора было «Литовскаго и Свѣйскаго короля и ихъ дѣтей за ихъ многія неправды и иныхъ нѣкоторыхъ земель людей на Московское государство не обирать, потому что Литовскій король Московское государство разорилъ, а Свѣйскій король великій Новгородъ взялъ обманомъ²⁾. Выборъ долженъ былъ состояться изъ Московскихъ родовъ «кого Богъ дастъ».

Переходя къ анализу различныхъ кандидатуръ, слѣдуетъ прежде всего сдѣлать одну оговорку: намъ извѣстенъ только одинъ официальный кандидатъ — Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ; о всѣхъ остальныхъ кандидатахъ мы узнаемъ изъ источниковъ неофициальнаго и часто очень поздняго происхожденія. Мы знаемъ, что объ избраніи на царство другихъ лицъ, помимо Михаила Ѳеодоровича, говорилось на соборѣ и около него: «не возмогаша всѣ на одинаго согласитися, ови глаголаху того, инии же иного и всѣ разво вѣщаху и всякій хотяше по своей мысли учинити и тако препроводиша не малые дни». Говорится о подкупахъ со стороны вельможъ, желавшихъ «царями быти», но что на самомъ дѣлѣ было сдѣлано этими вельможами или ихъ сторонниками для обезпеченія ихъ успѣха, остается для насъ совершенно неизвѣстнымъ³⁾.

Нельзя сказать, чтобы у членовъ собора 1613 года былъ большой выборъ лицъ, которыя могли бы занять русскій престолъ. О членахъ эфемерныхъ династій, занимавшихъ престолъ послѣ смерти царя Ѳеодора Ивановича, говорить не приходится. Шуйскіе, давно потерявшіе свою былую популярность, были всѣ въ плѣну; объ остаткахъ Годуновыхъ, пережившихъ разгромъ 1605 года, никто не говорилъ. Оставляя въ сторонѣ кандидатовъ-иностранцевъ, къ которымъ причислили всѣхъ служилыхъ татарскихъ царевичей⁴⁾, а также маленькаго воренка, сына Марины, и второго Лжедмитрія, котораго пытался было

¹⁾ Сборн. Имп. Росск. Ист. Общ., т. CXLII, стран. 307—309.

²⁾ Дворцовые разряды, I, 13; Соловьевъ, II, VII, 1039.

³⁾ Временникъ Общ. Ист. и Древн. Росс., XVII, стран. 160. (Новый лѣтописецъ по списку кн. Оболенскаго).

⁴⁾ Маркевичъ, Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова. Журналъ Мин. Нар. Просв. 1891, № 9, стран. 186—187.

провозгласить царемъ отступившій отъ Москвы Заруцкій, можно думать, что на соборѣ обсуждался или могъ обсуждаться вопросъ объ избраніи въ цари бояръ князя Ив. Мих. Воротынскаго, князя Д. Т. Трубецкого, князя О. И. Мстиславскаго, стольника князя Д. М. Пожарскаго, боярина князя В. В. Голицына и стольника Михаила Ѳеодоровича Романова. Воротынский, Трубецкой и Голицынъ были членами боярскаго круга, въ послѣдній разъ попытавшася въ предшествующіе годы закрѣпить за собою руководящее значеніе въ русской жизни. Трубецкой и Пожарскій выдвинулись какъ освободители Москвы. Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ былъ 16-лѣтній юноша, уже успѣвшій перенести не мало испытаній въ свою недолгую жизнь, но лично совершенно непричастный къ смутѣ.

Князья Воротынскіе, едва ли не старшая линія Черниговскихъ Рюриковичей, всегда занимали одно изъ первыхъ мѣстъ среди боярскихъ родовъ XVII столѣтія. Отецъ князя Ивана Михайловича, Михаилъ Ивановичъ, прославился побѣдою надъ татарами при Молодяхъ въ 1572 году, устройствомъ пограничной службы на южной окраинѣ, а потомъ своей опалой и гибелью. Его сынъ былъ уже бояриномъ при Ѳеодорѣ Ивановичѣ и испыталъ опалу вмѣстѣ съ Мстиславскими по поводу извѣстной попытки свергнуть Годунова посредствомъ развода Ѳеодора и Ирины. Возвращенный въ Москву послѣ смерти царя Бориса, онъ, однако, перешелъ на сторону Лжедмитрія только послѣ измѣны Голицына и Басманова и выѣхалъ навстрѣчу Самозванцу съ повинной отъ Москвы. Въ заговорѣ, положившемъ конецъ царствованію перваго Самозванца, онъ участвовалъ вмѣстѣ съ Шуйскими и Голицыными; затѣмъ, будучи своякомъ царю Василию, оставался близкимъ и вѣрнымъ ему во все время его правленія¹⁾. Въ годы междоцарствія князь И. М. кривилъ душою менѣе другихъ и, будучи членомъ семябоярщины, пытался противодѣйствовать Гонсѣвскому, за что послѣдній долго держалъ его за приставами, т.-е. подъ арестомъ, такъ что за княземъ Воротынскимъ могла сложиться репутація страдальца за правду. Но Воротынскіе, несмотря на свою знатность, никогда не были близкими къ московскому столу, а по происхожденію не были даже потомками великихъ князей, какъ напримѣръ, Шуйскіе. Поэтому, принадлежа къ боярско-княжескому кругу, они всегда уступали въ немъ первенство Мстиславскимъ, Шуйскимъ и даже Голицынымъ. Имя князя И. М. было почетнымъ именемъ, но за отсутствіемъ традицій, сблизившихъ его родъ съ Московскими царями, это имя не могло собрать особенно много голосовъ, а личныя заслуги князя не были достаточно велики, чтобы, опираясь на нихъ, достигнуть царскаго престола.

¹⁾ Платоновъ, Очерки по исторіи Смуты, изд. 1-е, 283, 287, 299, 310, 321, 335, 447, 455, 458, 472, 474, 483, 562. Извѣстіе о кандидатурѣ Воротынскаго восходитъ къ Страленбергу: Der nordliche und östliche Teil von Europa und Asia. Stockholm, 1730, § 205.

О кандидатурѣ князя Д. Т. Трубецкого мы имѣемъ только смутныя и косвенныя извѣстія, но о ней могли говорить на соборѣ, хотя дѣятельность самого князя въ событіяхъ смуты и положеніе этого тушинскаго боярина, какъ среди московскихъ Гедиминовичей вообще, такъ и въ самомъ родѣ князей Трубецкихъ, не могли обезпечить за нимъ большого числа сторонниковъ¹⁾.

Князь О. И. Мстиславскій, бояринъ съ 1577 года, былъ единственнымъ представителемъ рода, первенствовавшего въ Московскомъ боярствѣ въ теченіе всего XVI вѣка. Мстиславскіе были Гедиминовичи, потомки Явнута, князя Заславскаго; дѣдъ князя О. И., князь Ѳеодоръ Михайловичъ, пріѣхавъ въ Москву, породнился съ Московскими государями, женившись на внучкѣ Ивана III. Князь О. И. приходился, слѣдовательно, праправнучкомъ Ивану III и былъ однимъ изъ немногихъ среди Московскаго боярства потомковъ племени Калиты по женской линіи. Отмѣченныхъ соображеній, казалось, было бы достаточно для того, чтобы его кандидатуру выставить на одно изъ первыхъ мѣстъ; однако, препятствій къ избранію на царство князя Мстиславскаго было много, и препятствія эти были очень значительны.

О родствѣ его со старой Московской династіей мало помнили и едва ли придавали этому обстоятельству большое значеніе. Самъ князь О. И. былъ не молодъ — ему было, вѣроятно, около 60 лѣтъ; у него не было сыновей, съ нимъ оканчивался его славный родъ, и на продолженіе «царскаго кореня» было бы очень мало надежды; къ тому же Мстиславскій имѣлъ издавна репутацію очень мало даровитаго человѣка, а его робость и уступчивость въ качествѣ первенствующаго члена боярскаго коллегіи въ годы междоцарствія успѣли значительно уронить и безъ того небольшой его личный авторитетъ. Ему, можетъ-быть, не совсѣмъ удобно было даже оставаться въ Москвѣ послѣ сдачи Кремля Пожарскому, и на первыхъ засѣданіяхъ собора ни Мстиславскаго ни его товарищей по боярскому правленію не было. За нимъ послали только послѣ предварительнаго избранія Михаила 7-го февраля. Наконецъ, видимо, и самъ Мстиславскій не считалъ себя кандидатомъ въ цари и не желалъ стать верховнымъ вождемъ земли русской; во всякомъ случаѣ, онъ уже отказался отъ престола въ 1606 году и, кажется, вторично въ 1610 году²⁾.

Совершенно другого характера былъ четвертый изъ названныхъ кандидатовъ — Пожарскій; за Мстиславскаго говорило его «отечество»; Пожарскій, хотя и Рюриковичъ, былъ, по мѣстническимъ понятіямъ, худороднымъ человѣкомъ, предки котораго захудали отъ опалъ, обру-

¹⁾ Маркевичъ, Избраніе на царство (Ж. М. Н. П. 1891, № 9, стр. 189): «А. Ѳ. Бычковъ имѣлъ въ рукахъ приписку къ одной рукописи, изъ которой видно, что объ избраніи Трубецкого на соборѣ говорили». Костомаровъ, Смутное время, III, 306, примѣч. I.

²⁾ Платоновъ, Очерки, 304, 452; объ отказѣ 1606 года говорить Маржеретъ (Сказанія иностранцевъ о Дмитріи Самозванцѣ, изд. Устряловымъ I, 307); объ отказѣ 1610 года косвенное извѣстіе у Жолкѣвскаго, Стран. 70.

пившихся при царѣ Иванѣ на дѣда освободителя Москвы, князя Феодора Ивановича; князь Дмитрій Михайловичъ даже не носилъ думнаго чина, и боярство сказано ему было уже новымъ государемъ. У Мстиславскаго не было никакихъ личныхъ заслугъ; Пожарскій, наоборотъ, могъ опираться только на совершенный имъ совмѣстно съ другими земскими дѣятелями великій подвигъ освобожденія столицы.

О князѣ Дмитріи Михайловичѣ сохранилось много отдѣльных извѣстій, но въ старой Руси рѣдко писали биографіи свѣтскихъ людей и совсѣмъ не умѣли составлять характеристику даже самыхъ яркихъ дѣятелей. Пожарскій не избѣжалъ этой общей участи почти всѣхъ дѣятелей смуты; его обликъ, затушеванный и тусклый, точно смытъ чѣй-то рукою, желавшей скрыть отъ насъ истинныя черты освободителя Москвы. Все, что мы о немъ знаемъ, рисуется его какъ честнаго, порядочнаго и сравнительно съ его дѣлами скромнаго человѣка; такимъ онъ остался въ народной памяти; такимъ его изобразила и народная пѣсня¹⁾. Сохранилось указаніе, что самъ онъ какъ-будто склоненъ былъ поддерживать кандидатуру князя В. В. Голицына; это его извѣстныя слова, сказанныя еще лѣтомъ 1612 года въ Ярославлѣ повгородскимъ посламъ игумену Геннадію и князю Оболенскому: «Только бѣ нынѣ такой столпъ, кн. В. В. былъ здѣсь, и объ немъ бы все держались, и язъ къ такому великому дѣлу мимо него не принялся»²⁾. На ряду съ этимъ есть извѣстія, что до самаго избранія Михаила онъ серьезно склонился въ пользу герцога Карла-Филиппа³⁾. Есть и еще одно извѣстіе, правда, очень позднее и ненадежное, гласящее, будто Пожарскій истратилъ до 20000 рублей,— сумму къ тому времени не малую, чтобы наwerbовать себѣ сторонниковъ среди членовъ собора. Но это были рѣчи распаленнаго мѣстническимъ гнѣвомъ неважнаго дворянина, сказанныя двадцать слѣдующимъ лѣтъ послѣ событій 1613 года, который при этомъ и мѣстничался не съ княземъ Пожарскимъ, такъ что слѣдуетъ, кажется, считать эти рѣчи за простую сплетню, реальнаго основанія не имѣющую⁴⁾.

Бояринъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ былъ дѣйствительно тѣмъ «столпомъ», какимъ его считалъ Пожарскій. Гедиминовичъ подобно Мстиславскому, онъ принадлежалъ къ роду, занявшему высокое мѣсто среди придворной знати еще при Иванѣ III и такъ же, какъ Мстиславскіе, въ свое время породнившимся съ родомъ князей Московскихъ. Сынъ выѣхавшаго въ Москву князя Патрикья Александровича, Юрій Патрикеевичъ женился въ 1408 году на старшей сестрѣ Василя Темнаго; князь Василій Васильевичъ былъ, такимъ образомъ, по женской линіи прямымъ потом-

¹⁾ В. Миллеръ, Отголоски смутнаго времени въ былинахъ (въ «Очеркахъ народной словесности», II, 274).

²⁾ Акты Арх. Эксп. II, № 210.

³⁾ H. Almqvist, Die Carenwahl des Jahres 1613. (Zeitschrift für Osteuropäische Geschichte, V. III, Heft. 2).

⁴⁾ Чтенія Общ. Ист. и Древн. Росс. 1848 г., № 7, стран. 85. Это, въ сущности единственное болѣе или менѣе современное извѣстіе о кандидатурѣ Пожарскаго.

комъ въ седьмомъ колѣнѣ великаго князя Василя Дмитріевича¹⁾. Съ начала смуты его имя встрѣчается среди самыхъ видныхъ, но далеко не самыхъ почтенныхъ дѣятелей этого времени. Его измѣна рѣшила участь царя Феодора Борисовича, вмѣстѣ съ Шуйскимъ онъ свергъ Лжедмитрія, а послѣ, не поладивъ съ прежнимъ единомышленникомъ, дѣятельно старался съ кружкомъ Ляпуновыхъ свести съ престола царя Василя. Видимо энергичный и властный человѣкъ и большой интриганъ, онъ долженъ былъ пользоваться, несмотря на свою темную дѣятельность въ прошломъ и прежнія измѣны, большимъ вліяніемъ среди Московскихъ бояръ, что и было, вѣроятно, причиною, почему умный гетманъ Жолкѣвскій постарался отдѣлаться отъ него и удалить его изъ Москвы. Мы не знаемъ, любили ли Голицына въ Москвѣ, и было ли его имя популярнымъ на соборѣ 1613 года; но, какъ показываетъ отзывъ Пожарскаго, извѣстный авторитетъ знатности и, вѣроятно, силы оно имѣло; однако, и противъ его избранія говорило многое. Прежде всего онъ былъ далеко, въ плѣну, и не было никакой возможности, хотя бы гадательно, опредѣлить время его возвращенія въ Москву. На отсутствующаго можно свалить очень многое, почти столько же, сколько на мертваго, а враговъ у князя В. В. должно было быть не мало, и эти враги, ободренные его отсутствіемъ, едва ли склонны были сидѣть сложа руки; не надо забывать, что князь В. В. Голицынъ принадлежалъ къ кружку бояръ-княжатъ, пребываніе котораго у власти при Шуйскомъ не доставило большой популярности его членамъ. Князь В. В. былъ, кромѣ того, въ лѣтахъ (онъ былъ бояриномъ съ 1591 года) и бездѣтенъ, и такимъ образомъ, относительно его, такъ же какъ и относительно Мстиславскаго, возникалъ трудно разрѣшимый вопросъ о продолженіи царскаго рода.

Остается послѣдній кандидатъ, Михаилъ Феодоровичъ Романовъ. Хотя и не княжескаго происхожденія, родъ Романовыхъ-Юрьевыхъ-Захарьиныхъ-Кожкиныхъ, мѣнявшій свои прозванія почти съ каждымъ поколѣніемъ, стоялъ всегда въ первыхъ рядахъ московской знати и, по тогдашнимъ понятіямъ, ни въ чемъ не уступалъ ни Рюриковичамъ ни Гедиминовичамъ. Съ вымершей Московской династіей его соединяло свойство и хотя въ жилахъ Михаила Феодоровича не было крови прежнихъ Московскихъ царей, однако память о родственныхъ узакъ, соединявшихъ съ Романовыми царей Ивана и Феодора, была еще жива на Москвѣ. Помнили также и о Никитѣ Романовичѣ, мягкомъ и милосерднымъ бояринѣ, смягчавшемъ не одну жестокость Грознаго. Современная историческая наука доказала, что царь Борисъ, налагая опалу на братьевъ Никитичей и отправляя ихъ въ ссылку, дѣйствовалъ далеко не случайно и повиновался не одной слѣпой злобѣ. Знатные и богатые двоюродные братья царя Феодора вели интригу противъ Годунова, и тотъ, болѣе сильный въ этотъ моментъ, чѣмъ они, разгромилъ ихъ. Но опала ихъ была слишкомъ жестока; перенесенныя

¹⁾ Кн. Н. Голицынъ, Родъ князей Голицыныхъ, I, 108—114. Извѣстіе о кандидатурѣ Голицына восходитъ къ Спраленбергу. Der nördliche und östliche Teil von Europa und Asia, Stokholm, 1730.

страдания, во всякомъ случаѣ, не соотвѣтствовали винѣ. Трое изъ пяти братьевъ Романовыхъ погибли въ ссылкѣ менѣе года спустя послѣ катастрофы, младшій Иванъ до конца жизни остался больнымъ, разбитымъ параличомъ¹⁾. Физически уцѣлѣлъ старшій братъ Феодоръ, невольный инокъ старецъ Филаретъ, но его мысли вслухъ въ Сійскомъ монастырѣ, подслушанныя согладатаями, лучше всего свидѣлствуютъ о его душевныхъ мукахъ и его отчаяніи: «Милыя мои дѣтки, маленькія бѣдныя остались, кому ихъ кормить и поить. Таково ли имъ будетъ нынѣ, каково имъ при мнѣ было. А жена моя бѣдная наудачу уже жива ли. Мнѣ ужъ что надобно? Лихо на меня жена и дѣти, какъ ихъ помянешь, ино что рогатиной въ сердце толкнетъ. Дай Богъ слышать, чтобы ихъ ранѣ Богъ прибралъ и язь бы тому обрадовался, а чаю жена моя и сама рада тому, чтобы имъ Богъ далъ смерть, а мнѣ бы уже не мѣшали, я бы сталъ промышлять одною своею душою»²⁾.

Малочисленные, разбитые жизнью, вернулись Романовы изъ ссылки, но перенесенныя испытанія и духовный санъ Феодора Никитича возвысили ихъ авторитетъ тѣмъ болѣе, что, по закону психологическаго контраста, все, что ни дѣлалъ царь Борисъ, стало послѣ его смерти и гибели его дома казаться преступленіемъ. На Романовыхъ стали смотрѣть какъ на безвинныхъ жертвъ Годуновскаго произвола. Недавняя и всеѣмъ еще памятная связь со старой династіей, принадлежность къ старой московской знати и ореолъ мученичества привлекли къ Романовымъ симпатіи земщины, спасшей страну, и дѣлали ихъ кандидатуру желанной для многихъ представителей земскихъ мировъ и замосковнаго дворянства, засѣдавшихъ на соборѣ. Не даромъ, по сохранившемуся извѣстію, предложеніе объ избраніи Михаила исходило отъ галицкаго дворянина, который «предложи на соборѣ выписъ о сродствѣ царевѣ, како благочестивый царь Феодоръ Иоанновичъ, отходя сего свѣта, вручилъ свой скипетръ и вѣнецъ братану своему боярину Феодору Никитичу»³⁾. Правда, бояринъ Феодоръ Никитичъ, невольный инокъ, а потомъ, милостью перваго Лжемитрія митрополитъ Ростовскій, не могъ, какъ лицо духовное, занять престола; да къ тому же вмѣстѣ съ Голицынымъ онъ былъ отправленъ посломъ подъ Смоленскъ, а оттуда плѣнникомъ въ Мариенбургъ. Между положеніемъ Филарета и положеніемъ Голицына были и другія черты сходства. Энергичный и властный Филаретъ долженъ былъ имѣть не менѣе враговъ, чѣмъ князь В. В. Голицынъ, и его собственная кандидатура, если бы она могла быть поставлена, встрѣтила бы, вѣроятно, не менѣе противодѣйствія, чѣмъ должна была встрѣчать мысль объ избраніи Голицына. Но у Филарета Никитича было предъ Голицынымъ одно громадное преимущество: у него остался сынъ, наслѣдникъ и продол-

¹⁾ Это обстоятельство и положеніе младшаго въ родѣ и было, конечно, причиною, почему имени И. Н. Романова не встрѣчается въ числѣ кандидатовъ въ цари.

²⁾ Акты Ист., II, № 38, XXXIII.

³⁾ Хронографъ князя Оболенскаго; выдержка, содержащая извѣстіе о галицкомъ дворянинѣ и донскомъ атаманѣ, приведена у Забѣлина: Мининъ и Пожарскій, 310, рил. XVI.

жателъ рода, къ которому и перешли все свѣтскія права отца. И какъ только въ лицѣ Василия Шуйскаго потерпѣла крушеніе попытка вручить царскую власть представителю боярско-княжескаго круга, тотчасъ же, еще въ 1610 году, вѣроятно, усилями Филарета, выдвигается мысль объ избраніи на царство Михаила Феодоровича. Чтобы помѣшать этому, Жолкѣвскій и удалил Филарета изъ Москвы¹⁾.

Но за кандидата изъ дома Романовыхъ, будемъ теперь говорить определенно за Михаила Феодоровича, должны были на соборѣ 1613 года голосовать не одни представители земщины. Его отецъ, разошедшійся съ Шуйскимъ еще въ первые дни царствованія послѣдняго, былъ привезенъ въ Тушино плѣнникомъ, но скоро сталъ тамъ своимъ и притомъ большимъ человѣкомъ. Его близость къ Тушину, подтверждаемая тѣмъ, что не одинъ изъ тушинскихъ дѣльцовъ былъ позднѣе его сотрудникомъ по управленію государствомъ²⁾, заставила наиболѣе умѣренныхъ изъ бывшихъ тушинцевъ, не сочувствовавшихъ кандидатурѣ воренка, поддерживать именно сына нареченнаго Тушинскаго патріарха.

Вотъ почему въ избраніи на царство новаго царя могли имѣть такое большое значеніе казаки. Зимой 1612 — 16 гг. они составляли большинство вооруженныхъ силъ Москвы; объ этомъ съ полнымъ единодушіемъ свидѣлствуютъ безпартійные и безхитростные современники, русскіе люди, попадавшіе въ плѣнъ къ полякамъ и шведамъ. Казаки «примѣривали Филаретова сына», потому что самъ Филаретъ былъ для нихъ лицомъ хорошо знакомымъ³⁾. И донской атаманъ, предложившій 7 февраля 1613 года избрать «природнаго государя Михаила Феодоровича», и галицкій дворянинъ, предложившій тоже самое, противоположные другъ другу во всемъ, сходились на одномъ кандидатѣ на царство, потому что кандидатъ этотъ былъ одинаково близокъ и земщинѣ и казакамъ, дѣйствовавшимъ ранѣе въ Тушинѣ.

Для большихъ Московскихъ бояръ М. Ф. Романовъ долженъ былъ быть также едва ли не наиболѣе пріемлемымъ кандидатомъ. Хотя бояре и плохо вели дѣла Московскаго государства, хотя нѣкоторые изъ нихъ даже не участвовали на первыхъ засѣданіяхъ собора, но они все еще считали себя силой и не теряли надежды сохранить за собою и при новомъ царѣ то положеніе, которое имъ гарантировала крестоцѣловальная записъ Василия Шуйскаго и договоръ 27 августа 1610 года съ Жолкѣвскимъ. Для этого имъ удобнѣе всего былъ царь безъ личнаго авторитета, молодой и неопытный, т.-е. такой, какимъ и былъ въ дѣйствительности М. Ф. Романовъ. Доселѣ остающееся апокрифическимъ письмо боярина Ф. И. Шереметева

¹⁾ Соловьевъ, II, т. III, 928, 983; Маркевичъ, Избраніе на царство (Ж. М. Н. П., 1891 г.; № 9; стр. 187, 192).

²⁾ Платоновъ, Московское правительство при первыхъ Романовыхъ.

³⁾ Платоновъ, Московское правительство при первыхъ Романовыхъ, 9 Hirschberg, Polska a Moskwa, 361—364 (показанія сына боярскаго Ив. Философова, взятаго въ плѣнъ поляками), Шведскія Арсеньевскія бумаги (Сборникъ Нов. общ. любит. древн., вып. V), № V и VII (показанія купцовъ и дворянина).

къ находившемуся въ плѣну князю В. В. Голицыну, если оно, дѣйствительно, было написано, свидѣтельствуетъ о томъ живомъ участіи въ избраніи царя, какое Московскіе бояре принимали за кулисами собора. А знаменитая фраза изъ этого письма: «выберемъ Мишу Романова: онъ и молодъ разумомъ еще не дошелъ и намъ будетъ поваденъ»¹⁾, если не была сказана на самомъ дѣлѣ, то могла быть сказана, потому что смѣсль ея вполне соответствовала интересамъ боярскаго круга. Молодой, шестнадцати-лѣтній царь не могъ стать опытнымъ и энергичнымъ правителемъ, а его властный отецъ могъ и не вернуться изъ плѣна, какъ дѣйствительно не вернулся изъ плѣна князь В. В. Голицынъ.

Я говорилъ сейчасъ о боярахъ вообще; но бояре, бывшіе въ Москвѣ на соборѣ 1613 года или пріѣхавшіе въ нее послѣ 7-го февраля, не были единымъ и цѣльнымъ слоємъ; хорошо извѣстно, что они распались на отдѣльные кружки, слѣдовавшіе различнымъ традиціямъ, сталкивавшіеся между собою и одинъ другому враждебные. Однако, въ отношеніи М. Ѳ. Романова нѣкоторые члены самыхъ противоположныхъ кружковъ объединились тѣснымъ и близкимъ родствомъ съ нимъ; если мы возьмемъ однихъ только «сѣльмочисленныхъ» бояръ, то увидимъ, что четверо изъ нихъ были его близкими родственниками: И. Н. Романовъ былъ его родной дядя; князь Б. М. Лыковъ, женатый на Анастасіи Никитичнѣ Романовой, былъ также его дядей; бояринъ Ѳ. И. Шереметевъ, только что женившійся или собиравшійся жениться на княжнѣ Иринѣ Борисовнѣ Черкасской, двоюродной сестрѣ Михаила Ѳеодоровича, въ свою очередь вступалъ съ нимъ въ родство. Наконецъ, самъ первенствующій членъ боярскаго коллегіи, князь Ѳ. И. Мстиславскій, приходился двоюроднымъ братомъ Ѳеодору Никитичу. и слѣдовательно, двоюроднымъ дядей будущему царю. Не будемъ придавать слишкомъ большого значенія родственнымъ связямъ М. Ѳ. Романова, но ихъ все-таки нельзя не принять въ соображеніе, когда выясняешь возможное отношеніе всѣхъ помянутыхъ сейчасъ людей къ кандидатурѣ ихъ юнаго родственника на царскій престолъ. Настойчивыя извѣстія объ энергичной дѣятельности боярина Ѳ. И. Шереметева въ пользу избранія Михаила могутъ подтвердить мысль о томъ, что поддержка вліятельной родни сдѣлала свое дѣло на соборѣ 1613 года²⁾.

¹⁾ А. Барсуковъ, Родъ Шереметевыхъ, кн. 2-я, стран. 311, примѣч. 415; Маркевичъ, тамъ же, стран. 203.

²⁾ Въ самое послѣднее время проф. Д. В. Цвѣтаевымъ высказана была интересная мысль о томъ, что на популярность семьи Романовыхъ должно было оказать вліяніе положеніе ихъ какъ крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ, имѣнія которыхъ были разсыпаны по всему московскому государству (Цвѣтаевъ, Избраніе Михаила Ѳеодоровича Романова на царство, стран. 66). Наличие большихъ Романовскихъ имѣній во многихъ мѣстностяхъ страны подтверждается работой М. Я. Коженикова (Земельныя владѣнія дома Романовыхъ въ XVI и XVII вѣкѣ. С.-Пб. 1913 г.). Однако, для того, чтобы мысль проф. Цвѣтаева сдѣлалась безспорнымъ достояніемъ науки, слѣдуетъ выяснить, насколько популярность и значеніе извѣстнаго лица среди населенія какой-нибудь мѣстности могли вытекать изъ того только, что оно владѣло въ этой мѣстности большими вотчинами.

Взвѣсивъ положеніе дѣлъ на земскомъ соборѣ 1613 года, мы должны прийти къ заключенію, что на царство долженъ былъ быть избранъ именно Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ, потому что къ этому клонились дѣйствія разнообразныхъ параллельныхъ одна другой силъ и потому что изъ всѣхъ возможныхъ кандидатовъ онъ былъ, по положенію своей семьи среди московской знати и среди русскаго общества, по дѣятельности его отца въ смуту и по своимъ личнымъ свойствамъ, самымъ пріемлемымъ и самымъ желаннымъ царемъ. Актъ 21 февраля 1613 года былъ, слѣдовательно, не случайностью, а долженъ былъ произойти потому, что соответствовалъ интересамъ наибольшаго числа членовъ собора, какъ представителей земли, и правительственныхъ дѣльцовъ столицы.

То, что намъ кажется теперь яснымъ и простымъ, далеко не было таковымъ для самыхъ участниковъ событій 1613 года. Надо было выяснитъ кандидатуры, надо было разобраться въ возможныхъ претендентахъ, взвѣсить преимущества каждаго изъ нихъ. Не надо забывать, что при этомъ шла борьба, велись закулисныя интриги, при которыхъ далеко не сразу можно было опредѣлить, кто изъ предлагаемыхъ къ избранію дѣйствительно являлся самымъ желательнымъ и подходящимъ. Надо помнить также, что соборъ стремился дѣйствовать въ единеніи со всей землей, для чего послѣ 7-го февраля были посланы на мѣста запросы о томъ, насколько популярно имя М. Ѳ. Романова и насколько пріемлемо его избраніе.

Михаила «примѣривали» въ царя еще въ ноябрѣ 1612 года¹⁾. Засѣданія собора начались въ послѣдніе дни декабря. Въ первыя недѣли продолжали «примѣривать» и его и другихъ лицъ, пока, наконецъ, не остановились на одномъ Михаилѣ, который и былъ официально выставленъ 7-го февраля, какъ единственный кандидатъ на Московскій престолъ.

Мы мало знаемъ подробности работы земскаго собора, но можно съ увѣренностью сказать, что шесть недѣль, протекшихъ отъ начала собора до 7-го февраля, не были слишкомъ большимъ срокомъ. Избраніе царя было слишкомъ серьезнымъ дѣломъ, и приходится удивляться не тому, что соборъ потратилъ полтора мѣсяца на предварительную работу, а тому, что онъ такъ удачно разобрался въ кандидатахъ и остановилъ свой выборъ на томъ, кто болѣе другихъ соответствовалъ и требованіямъ момента и интересамъ живыхъ лицъ и тѣмъ традиціямъ стараго Московскаго царства, которыя хотѣли вновь воскресить послѣ разрухи.

Какъ мы не знаемъ подробностей работы самого земскаго собора, такъ мы не знаемъ и всѣхъ тѣхъ переговоровъ, которые велись за кулисами политической сцены и въ это время и позднѣе до торжественнаго вступленія царя въ Москву, совершившагося 2-го мая и, наконецъ, въ періодъ между въѣздомъ въ столицу и вѣнчаніемъ на царство 11-го іюля. Можно сказать одно: бояре не могли забыть ни записи Василія Шуйскаго, ни договоры 4 февраля и 27 августа 1610 года; многимъ изъ нихъ могла совершенно естественно прийти мысль, что и новаго царя хорошо бы было связать обя-

¹⁾ Hirschberg, Polska a Moskwa, 363.

зательствомъ такъ же, какъ связывали Шуйскаго и Владислава. Объ этомъ должны были говорить; этотъ вопросъ должны были много и горячо обсуждать; а молва и память о закулисныхъ разговорахъ, можетъ-быть, даже о какомъ-нибудь обѣщаніи, негласно данномъ Михаиломъ, должна была, думается мнѣ, сдѣлаться источникомъ тѣхъ смутныхъ и, большей частью, позднихъ извѣстій объ ограниченіи власти избраннаго царя, которыхъ нельзя подтвердить ни однимъ сколько-нибудь надежнымъ свидѣтельствомъ и которыя, можно сказать навѣрно, никогда не вылились въ форму государственнаго акта. Политическіе обычаи, установившіеся въ смуту, указываютъ, что только среди бояръ могла созрѣть мысль и новаго царя связать договоромъ; второстепенные дѣльцы и приказныя силы только тянулись вслѣдъ за боярами. Но боярство въ 1613 году уже проиграло всѣ свои ставки. Психологическій моментъ былъ таковъ, что всякое начинаніе боярства могло встрѣтить только несочувствіе или даже противодѣйствіе остальныхъ слоевъ общества. Политическія конъюнктуры, слагавшіяся не въ пользу боярства, не измѣнились и въ первые мѣсяцы пребыванія новаго царя въ Москвѣ, когда часть членовъ собора изъ провинціи уже, вѣроятно, разъѣхались. Во всякомъ случаѣ, пока въ нашемъ распоряженіи не будетъ новыхъ болѣе надежныхъ извѣстій о фактѣ ограниченія избраннаго царя Михаила и точныхъ свѣдѣній о томъ, въ чемъ именно состояло ограниченіе его власти, это событіе слѣдуетъ разсматривать, какъ одинъ изъ потерянныхъ фактовъ нашей исторіи.

Ю. Готье.

6 НОЯ 1946